

**Современный большой город как перекресток миров
(виртуальное vs. реальное,
вербальное vs. невербальное,
«свое» vs. «чужое»)**

© В.В. Красных, 2011

Современный мир – это мир полифоничный по природе своей. Хотя полифония – явление отнюдь не такое уж новое, это не изобретение нашего времени, просто многие проблемы обострились именно в начале XXI века. Вероятно, в связи с все убыстряющимся «сокращением» пространства и времени.

Совершенно очевидно, что *ПОЛИФОНИЧНОСТЬ БЫТИЯ* – это не специфика только сегодняшнего дня, эпохи рубежа веков и смены тысячелетий. Она не есть порождение процессов, происходящих в современном человеческом обществе «здесь» и «сейчас». Она возникла не в последние годы и десятилетия, но существует давно и является, пожалуй, своеобразным естественным фоном среды обитания человека как такового. Это связано с тем, что язык и культура человека появляются и развиваются, вероятно, одновременно и параллельно с ним самим. Это значит, что любое человеческое общество (а человек как *Homo sapiens* и как личность – это существо общественное, общество создающее и обществом создаваемое) всегда одним из необходимо обязательных своих атрибутов имеет язык и культуру. А поскольку человеческие общества (сообщества, нации, этносы, группы, социумы и под.), как правило, не живут изолированно и замкнуто на самих себе, но находятся в контакте (от дружественного до враждебного) друг с другом, то вполне естественно, что идет постоянный процесс взаимного проникновения элементов разных культур и языков. Именно они, эти элементы, просачиваясь в иную социо-культурно-языковую среду естественным путем или будучи насаждаемы сверху, оказывают то или иное влияние на общество-реципиент, привнося в него отдельные черты общества-донора, что, так или иначе, приводит к определенному изменению первого. Разумеется, это никоим образом *НЕ* значит, во-первых, что общество-реципиент всегда меняется по образу и подобию общества-донора (изменения могут идти и в обратном, так сказать, направлении, но какие-то изменения будут всегда, т. е. общество-реципиент уже не будет таким, каким оно было до «вторжения» извне), а во-вторых, что эти изменения происходят мгновенно, отнюдь; это, как правило, достаточно длительный процесс. И здесь сразу необходимы две оговорки. Первое. Еще раз повторю, что речь идет о, как правило, *ВЗАИМНОМ* проникновении, т. е. *ОБОЮДНОМ* влиянии. Иначе говоря, мы, как правило, имеем как минимум *ДВУ*направленные процессы. И второе. Именно эти процессы закладывают фундамент, на котором может возникнуть полифония, и создают ту питательную среду, которая способствует становлению человеческого общества как полифоничного образования. Таким образом, можно предположить, что полифония бытия человека стала формироваться тогда, когда древнейшие племена поняли, что они не одиноки в этом мире и что есть *ИНЫЕ*, с одной стороны, подобные им, но с другой – отличные от них, с которыми им теперь придется иметь дело. Ну, а дальше все, вероятно, пошло по нарастающей...

Почему же именно сегодня исследователи обращают столь пристальное внимание на проблемы полифонии? Вероятно, это связано со значительными и достаточно стремительными изменениями условий жизни человека: это и изобретение новых средств передвижения, позволяющих за короткое время переместиться на значительное расстояние; это и появление новых технологий, делающих возможным сиюминутное общение людей, находящихся в разных точках земного шара; это и определенные изменения в социально-экономической и политических сферах, открывшие многие границы или, как минимум, значительно облегчившие переезды из страны в страну; и так далее, и так далее; и как следствие – участвовавшие и ставшие более интенсивными и продолжительными контакты представителей разных культур. В результате мы имеем явные тенденции к небывалому по масштабу смешению языков и культур и тем самым к определенному смещению культурных доминант, изменению паттернов культур и иерархий ценностей, что не может не

отражаться на коммуникативном и, в частности, речевом поведении *Homo Loquens* (человека говорящего).

Ну, и кроме того, конечно, следует упомянуть процесс глобализации, направленный, по моему глубокому убеждению, в первую очередь на унификацию всех человеческих обществ по единому образцу и, следовательно, на нивелирование социально-культурных особенностей и усреднение «типичного» представителя человечества. Вполне очевидно, что у этого процесса есть и вполне объективные причины. И нельзя отрицать, что у этого процесса есть и вполне положительные черты и результаты. Но вместе с тем, нельзя и закрывать глаза на те проблемы, которые этот процесс, что легко объяснимо, порождает. Так, унификация совершенно естественно вытекает из идеи создания единого человеческого общества, живущего по единым законам, исповедующего единые ценности, преследующего единые цели и т. д. Возможно, это хорошо и это правильно. Но при этом не стоит забывать, что унификация идет, по крайней мере сейчас, на основе европоцентризма (не в географическом, а в культурно-идеологическом плане), а человечество все-таки намного богаче и разнообразнее. Далее, для унификации абсолютно необходимо всех, так сказать, причесать под одну гребенку, что не может не привести к вышеупомянутому нивелированию различий. Правда, с другой стороны, поскольку усиливается сопротивление воздействию извне, это не может не привести и к росту этно-культурного, национально-культурного и прочего самосознания (вспомним недавнюю историю: «новая историческая общность – советский народ», и к чему это привело), что мы и наблюдаем в наши дни, а это, в свою очередь, провоцирует дополнительные межкультурные конфликты и способно вызвать серьезную конфронтацию между цивилизациями. Переводя этот разговор на уровень отдельного человека, мы имеем в перспективе некий «идеал» – «типичного», «среднего» представителя рода человеческого, вне его языковой, социальной, культурной и проч. принадлежности. И здесь нужно сказать следующее. Во-первых, это все-таки не очень возможно по определению, поскольку каждый человек рождается и социализуется в определенном обществе, в условиях определенной культуры, в окружении определенного языка и, значит, как личность, не может не нести на себе следы той матрицы (по Сепиру), которая и предопределяет его становление как личности. То есть по сути своей идея создания «среднего землянина» – это некий утопический даже не проект, а прожект. И можно было бы по этому поводу особенно не волноваться, но тут появляется «во-вторых». А во-вторых, процесс, направленный на достижение этого недостижимого «идеала» уже запущен. И вот тут следовало бы всегда помнить, что любое усреднение есть в основе своей *УПРОЩЕНИЕ*. Усредненный язык – это язык упрощенный, лишенный своих богатств: лексико-грамматических, стилистических, жанровых, диалектных и проч., и проч. Усредненное искусство – это искусство упрощенное, адаптированное или специально созданное для среднего потребителя, с четкой ориентацией на его желания, потребности, предпочтения и вкусы. Усредненная культура – это культура выхолощенная, мертвая. Культура не может быть «усредненной», как не может быть «осетрина второй свежести». Конечно, ее можно положить на прокрустово ложе некой «новой», глобальной цивилизации и «убрать все лишнее», но что мы получим в результате? Упрощенную культуру? Вероятно, да. Но, простите мой натурализм, можно ли считать человека, побывавшего в руках палача и лишеного рук, ног и головы, «упрощенным» вариантом человека? Далее, усредненные образовательные программы – это программы, предназначенные все тому же среднему «потребителю образовательных услуг». Упрощенные образовательные программы – это программы, не рассчитанные на думающего школьника и студента и призванные воспитывать среднего, я бы даже сказала, «средненького» человека, т. е. *НИКАКОГО*. И что в итоге? Усредненный, то бишь *УПРОЩЕННЫЙ* человек? Тот самый? Лишенный всего и в первую очередь жизни? Не знаю... У меня нет ответов... Разумеется, таким усредненным человеком проще руководить, управлять, командовать, манипулировать, ибо он не рассуждает, не задумывается, не задает вопросов, он без малейшего сомнения делает то, что ему говорят, и с чувством глубокого удовлетворения пользуется едва ли не единст-

венной свободой, дарованной ему, – правом выбирать из предложенных вариантов... И вот тут возникает крамольный вопрос: это ли не мечта практически любой власти?

Многомерность и многомирность бытия современного человека наблюдается практически везде и во всем (мы не говорим сейчас о «маргинальных» ситуациях отдельных изолированных племен, в фокусе нашего внимания находится человек – представитель цивилизации XXI века).

Для современной, как принято говорить, фундаментальной науки наличие многих параллельных миров, называемых мембранами, уже не новость (особенно актуальным стало это обсуждением в связи с большим андронным коллайдером и проблемой «начала времен» в прямом смысле). Миры эти (мембраны, или просто браны) сосуществуют, иногда приходя в непосредственное взаимодействие, соприкасаясь, сталкиваясь и т. д.

Современный большой город может рассматриваться как некоторая модель современного мира как такового. Здесь тоже живут многочисленные «миры», каждый из которых имеет свои законы, свои ожидания и предпочтения, и которые вынуждены постоянно взаимодействовать, иногда вполне мирно, иногда вступая в явные противоречия.

Каждый человек – отдельный мир. Каждый социум – отдельный мир. Каждое культурное сообщество – отдельный мир. Есть ли границы между ними? И если да, то где они проходят? Как они проявляются? Когда мы говорим «сообщество», мы имеем дело с реальным объединением реальных людей или с воображаемой или даже вымышленной группой? Если следовать социальному конструктивисту Б. Андерсону, то верно второе. Следовательно, возникает вопрос: в каком мире мы живем – в воображаемом / вымышленном / виртуальном или все-таки в реале?

Вопрос не праздный на самом деле. И от ответа на него прямо зависит, в частности, и позиция исследователя: я «только» фиксирую, выявляю, описываю, объясняю и проч. или я пытаюсь на что-то как-то повлиять, хотя бы заявив сугубо исследовательскую проблему как социальную. Из всего многообразия многочисленных перекрестков современного мира и большого города как его «квинтэссенции», на которых стоит или которые перебегают современный человек, я остановлюсь лишь на нескольких, которые мне представляются наиболее актуальными.

Границы между виртуальностью и реалом, как уже, очевидно, понятно многим, прозрачны, если не сказать призрачны. Человек, выходящий в Интернет, уже «образен» / «нетелесен» и «множествен». На самом деле не так уж безобидно это совмещение данных миров. Вспомним, например, два не очень новых фильма: в одном («Симона») главный герой пострадал от своего детища – созданной компьютерной программы, но все закончилось достаточно быстро и относительно безболезненно, а вот в другом («Хвост виляет собакой») виртуальная реальность убивает своего создателя, ибо, во-первых, ей нужно обязательно оставаться для всех реалом, а во-вторых (и это связано с «во-первых»), ни в коем случае ей нельзя допустить ситуации, когда ее отец-создатель скажет (подобно гоголевскому персонажу или персонажу из первого фильма): «Я тебя породил, я тебя и убью». Она (виртуальная реальность) уже реал.

Отсюда, вероятно, вытекает «социальный аутизм», особенно характерный для представителей младших поколений (вспомним «анекдотический» – это было бы смешно, когда бы не было так грустно, – случай, когда молодые люди, сидящие в одном небольшом помещении предпочитают общаться друг с другом через Интернет). Отсюда, вероятно, невосприимчивость реальной живой боли ближнего (что провоцируется также и лавиной насилия в различных СМИ, фильмах, книгах и проч.). Отсюда, вероятно, и неспособность понять и принять уникальность и неповторимость жизни (в прямом смысле – ведь может быть «перезагрузка», а у героя игры всегда есть несколько жизней). Иначе говоря, отсюда проистекают многие проблемы, о которых говорят социологи и психологи.

В современном мире современных технологий проблема «охраны границ», если угодно, выходит, как думается на первый план.

Итак, первый перекресток – мир виртуальный и мир реальный.

Далее. Совершенно очевидно, что только словами общаться, конечно, можно, но это накладывает явные ограничения (например, вспомните разговор по телефону, когда подчас очень нужна мимика, жесты и проч.). И никто не будет отрицать важнейшую роль невербальных компонентов коммуникации. Это было бы странно и глупо, наверное. Но ведь все хорошо к месту, ко времени и в нужном объеме. Иначе говоря, в области соотношения вербалики / невербалики есть свои подводные камни (у этой медали, как и у всякой, две стороны).

Хорошо известен эксперимент, проведенный уже достаточно давно психологами, и его результаты: для восприятия невербального текста требуется значительно меньше усилий и времени, чем для восприятия / декодирования текста словесного. Следовательно, расширение границ мира визуального приводит к тому, что человек все больше и больше имеет дело с текстами в лучшем случае поликодовыми (и полимодальными), что, с одной стороны, безусловно, экономит его усилия и время, но с другой – провоцирует «растренировку» и, как результат, обуславливает снижение порога критического восприятия, что делает самого человека в гораздо большей степени подверженным воздействию со стороны. Причем воздействию не в форме убеждения, но исключительно внушению и манипулированию. Об этом говорить можно очень много, но, думаю, что основная проблема вполне ясна.

Помимо этого, разучаясь или не научаясь декодировать вербальную информацию (что делать, конечно, очень и очень непросто), человек теряет или не обретает способность читать тексты и создавать тексты (причем любые – *sic!*). Об этом постоянно говорят те, кто работает с современными школьниками и студентами. А ведь умение «работать» с текстом – это, если угодно, лакмусовая бумажка, показывающая степень развитости речемыслительной способности человека. Иначе говоря, чем меньше человек «выходит в текст, как в открытый космос» (Н.И. Жинкин), тем хуже он может осмыслять воспринятое (от научной информации до эмоциональных посылов) и тем меньше у него возможностей выразить себя. И так до значимого нуля.

О данных проблемах уже говорилось и писалось неоднократно различными исследователями, так что позволю сейчас дольше на этом не останавливаться.

Итак, *второй перекресток – мир визуальный и мир вербальный.*

И, наконец, еще один перекресток. Ежедневно мы сталкиваемся с проявлениями «иногo, другoгo, чужoгo, чуждoгo». Это не только «встречи» с туристами, и это не просто общение с другими людьми (каждый из которых – отдельный мир).

Для всего современного человечества, для любого мегаполиса (и Москва в этом смысле не только не исключение, но, пожалуй, один из самых ярких примеров) одной из непоследних проблем является проблема миграции и иммиграции. Совершенно естественно, что в большой город, тем более в столицу стремится очень много людей. Среди них много ярких, талантливых, «пассионарных» личностей, которые ищут возможности для максимальной реализации себя и полного раскрытия своих способностей. Но вместе с тем приезжают и те, кому просто нужна работа, которая оплачивается лучше, чем там, откуда они родом. Многие из таких «гаст-арбайтеров» (как их принято называть) не владеют специальностью, не имеют должного образования, зачастую просто не говорят на языке того сообщества, в котором они оказались.

И, естественно, возникают проблемы: языковые, культурные, религиозные и проч. К сожалению, они практически никак не решаются, во всяком случае на официальном уровне и/или до тех пор, пока скрытые проблемы не перейдут в форму открытого конфликта, далеко не всегда безобидного (вспомним не столь уж давние события в Европе или у нас в Кондопоге или в Москве на Манежной площади).

Итак, *третий перекресток – это мир «свой» и миры «иной – другой – чужой – чуждый».*

Если привести конкретные примеры из того «мира перекрестков», о котором мы говорим и в котором *СЛОВО* пока еще не утратило полностью своей роли, то мы увидим,

как «среда», в которой живет язык, пользуется этим языком, подгоняя его под свои вкусы, предпочтения, интересы, и создает тексты, образующие нашу повседневную среду обитания. Анализ массива примеров позволил некоторым образом их классифицировать. Представлю вкратце некоторые результаты размышлений.

«Престижность» английского языка приводит к *изменению звукового облика* слова. Ставшие уже хрестоматийными примеры Д.Б. Гудкова: *Тéксас, Флóрида, Уóшингтон* и др. Но вот стали появляться и *графически зафиксированные* варианты английских имен-топонимов. Так, на пересечении ул. Обручева и Симферопольского бульвара уже энное количество лет существует и зазывает к себе гостей (русскими буквами – *sic!*) *РЕСТОРАН ДЖОРДЖИА*. Какая это кухня? Грузинская? Американская? На кого рассчитано это название?

К сожалению, последние десятилетия мы имеем дело с все усиливающейся тенденцией к *десемантизации лексических единиц*. Причем даже тех, которые не являются новыми заимствованиями, но давно и прочно вошли в состав русского языка. Так, на ул. Дм. Ульянова есть магазин *БИБЛИОТЕКА КОВРОВ*.

Неправильное написание, противоречащее правилам русской орфографии. В данном случае я не говорю даже о ценниках на рынках, типа *АПЕЛСИН*. Это, напр., все та же булочка *БРИОШ* (без мягкого знака), о которой говорила еще несколько лет назад А.В. Кирилина и которая уже именно так пишется в рекламных буклетах, в СМИ и в массовой литературе.

Использование латиницы или смеси латиницы и кириллицы: в названиях, в рекламных текстах, в письменных текстах, которыми обмениваются современные носители русского языка. Так, на той же ул. Дм. Ульянова есть *САЛОН ЗАГАРА*, который имеет свое «имя собственное» (латиницей – *sic!*) *ZAGORI*.

На уровне текста. Это уже к разговору о неспособности «работать» с текстом. А ведь он иногда наказывает, причем подчас очень больно. Так, на Симферопольском бульваре есть отдельно стоящее здание, на фронтоне которого написано (причем буквы выдержаны в едином стиле и размере, призванном свидетельствовать, что, во-первых, это вполне «серьезное учреждение», а во-вторых, вероятно, что это – единая «организация»): с одной стороны – «Детский развлекательный центр», с другой – «Бар, бильярд, сауна». А на ул. Подольских курсантов (равно как и еще в нескольких местах Москвы) есть некий торговый комплекс. Что же там продается? Продукты, спортивные товары, дети. Так и написано: *ТОРГОВЫЙ КОМПЛЕКС. СПОРТТОВАРЫ. ДЕТИ* и проч.

Примеры можно было бы множить, но они – лишь иллюстрация и некоторое продолжение того, думаю, главного, о чем мы сегодня говорим. Суть же разговора – в тех принципиально важных для нас проблемах, обсуждение и – главное – решение которых уже нельзя откладывать на завтра.

И закончить я себе позволю анекдотом, который некоторые из вас, вероятно, уже знают:

- *Что было в начале?*
- *В начале было Слово.*
- *Что будет в конце?*
- *В конце будет смайлик.*